

УДК 81'42:81'373

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ПОЭЗИИ

Е. Ю. Муратова

Статья посвящена специфике функционирования языкового знака в поэзии. Рассматривается вопрос о знаковой принадлежности фонемы в поэтическом языке; анализируется особое проявление соотношений “язык – реальная действительность” и “язык – речь” в поэтических текстах; исследуется специфика эпидигматических отношений в поэтическом языке.

Ключевые слова: языковой знак, поэзия, поэтический язык.

Природа и сущность языкового знака являлась и является предметом исследований многих ученых, но однозначного и общепринятого определения категории значения языкового знака до сих пор не существует. Объективной причиной этому является глобальность и крупномасштабность понятия значения, базирующегося на неисчерпаемости и постоянных изменениях как внешнего мира, так и человеческого сознания, а субъективной — то, что проблема значения, именно в силу его глобальности, может рассматриваться с разных точек зрения и решаться различными способами.

Неоднозначным является в науке ответ на вопрос о том, какие языковые единицы являются языковыми знаками. Э. Бенвенист, Д. Ричардс, С. Огден, С. Ульман, В. А. Звегинцев, А. И. Смирницкий и др. считают только слово языковым знаком, поскольку оно имеет все виды отношений, необходимых для возникновения знаковой ситуации. Другие лингвисты языковыми знаками считают все двусторонние единицы языка — морфемы, слова, словосочетания и предложения (Ф. Де Соссюр, Ч. Моррис, Л. Блумфилд, Л. Ельмслев, А. Мартине, В. Г. Гак, отечественные языковеды). С развитием теории коммуникации получила распространение точка зрения, что языковыми знаками являются коммуникативные единицы — слово, предложение, текст, т. к. их объединяет дискретность, самостоятельность функционирования, многоплановость, цельность, единство формы и содержания, значения и значимости; они поддаются аналитическому и синтетическому исследованию, проявляют себя с позиций статики и динамики (структуры и функционирования) в качестве самостоятельных элементов речевой коммуникации и языкового процесса.

В последние десятилетия все серьезнее отстаивается точка зрения о знаковой принадлежности фонемы. Так, Ю. С. Маслов, Л. М. Васильев считают фонемы знаками в силу того, что фонемы обладают различительной, дистинктивной функцией. Наличие у слов фонетического значения (т. е. наделение фонем знаковыми признаками) доказывал Р. Якобсон [1]. Фонетическую значимость, звуко-символический смысл слов, предложений, стихотворных текстов раскрывает А. П. Журавлев [2], замечая, что “речь идет не о жестком законе, а лишь о тенденции, о стремлении формы и содержания слов к взаимному соответствию” [3]. Идеи А. П. Журавлева развивают В. В. Левицкий и И. Черепанова. В частности, В. В. Левицкий [4] в своей монографии

доказывает, что в словах, обозначающих нечто маленькое, преобладают одни фонемы, а в словах, обозначающих нечто большое — другие. Информация, связанная непосредственно со звуками языка в некоторых случаях выступает на первый план и определяет собой восприятие значения слова. Это доказывают многочисленные эксперименты, проведенные по методу Ч. Осгуда (семантическое шкалирование), подтверждающие единообразие реакций носителей языка на определенное звучание, не связанное напрямую с языковым значением слов.

Особенно явно фонетическое значение, в частности, фонетический символизм, проявляется в поэтическом языке. В поэзии слова, сходные по звучанию, могут сближаться и по значению, внутренняя связь между звучанием и значением из скрытой становится явной. В результате исторически подлинная этимология слова может переосмысливаться, происходит наращение смысла или полное его изменение, но за счет фонетического сближения слов измененный смысл доступен пониманию воспринимающего. Например, у М. Цветаевой [5]: 1) *Сверхбессмысленнейшее слово: Рас — стаемся. — Одна из ста? Просто слово в четыре слога, За которыми пустота;* 2) *Короткая спевка / На лестнице плёвкой: / Низов голосовка / не спевка, а сплёвка: / Торопкая склёвка;* 3) *Заблудшего баловня вопль: домой! Дитя годовалое? “Дай” и “мой”!* 4) *Челюскинцы! Звук — Как сжатые челюсти... 5) Я — хранитель твоему перу: / Возращу и возвращу сторицей;* 6) *От великого богатства / Заступи, заступник, заступ;* 7) *Как меня — даже ты, что три года охаживал! — / Обходить научился сторонкой.* Звуковые связи между словами в поэтическом тексте являются фактором смысловой многоплановости, которая вызывается неожиданным сопоставлением слов, близких по своему звуковому составу: 1) *Пунш и полночь. / Пунш — и Пушкин, / Пунш — и пенковая трубка / Пышущая. Пунш — и лепет / Бальных башмачков... 2) Восхищенной и восхищенной, Сны видевшей средь бела дня...*

В некоторых случаях в поэзии могут объединяться две разные по смыслу, но близкие по звучанию лексемы в одну, например, у Цветаевой: *глубизна, спортсмедный, беженство*. Такого рода окказионализмы, основанные именно на созвучии, а не на со-значении лексем являются серьезным аргументом в пользу существования фонетического смысла в поэтических текстах: *Томики поставив в шкафчик — / Посмешаете ж его, / Беженство свое смешавши / С белым бешенством его.* Объединение М. Цветаевой в цикле “Стихи к Пушкину” слов *бегство* и *бешенство* в гибриде *беженство* изменяет и усиливает морально-оценочную антитезу между поэтом и его критиками. Аналогично в цикле “Стихи к сыну” соединение двух лексем *спортсмен* и *медный* в одну — *спортсмедный* создает совершенно новый образ и генерирует новый смысл: *Не быть тебе нулем — / Из молодых, да вредным, / Ни медным королем, / Ни попросту спортсмедным лбом, / Ни слепцом путей — коптителем кают, / Ни парой челюстей, которые жуют...* Е. В. Невзглядова предлагает называть возникающий при звуковом повторе смысл в стихотворной речи “несобственным” смыслом [6]. Его существование автор доказывает стилистическим экспериментом — заменой у В. В. Маяковского словосочетания *изумрудов безумий* на

аметистов безумий, при этом поэтический, “несобственный” смысл фактически утрачивается. Как думается, аналогичные эксперименты (напр.: *Ром и полночь./ Ром — и Пушкин/ Ром — и пенковая трубка...* и под.) всегда покажут утрату “несобственного”, т. е. возникающего на фонологическом уровне смысла, что именно и доказывает его существование.

В последние десятилетия в языкознании утверждается диалектическая точка зрения на существование фонетического значения, т. е. на произвольность / непроизвольность языкового знака, которую кратко можно выразить словами Б. А. Плотникова: “Результаты конкретного и отвлеченного мышления выражаются с помощью соответственно фонетически мотивированных и немотивированных форм языка, который во всех случаях сохраняет способность гибко и чутко отражать постигаемую человеческим сознанием действительность” [7].

Основной функцией словесного знака является его способность быть средством обобщенного и опосредованного представления окружающего и внутреннего мира человека. Для поэтического языка соотношение “язык — реальная действительность” несколько иное, поскольку, как писали прагматисты, организующий признак искусства — это направленность не на означаемое, а на самый знак. Если в различных областях общения языковой знак является отражением действительности, носителем информации о ее предметах и явлениях, то в поэзии языковой знак сам является информацией, сам предстает предметом. В прозаической форме речи собственно языковое воплощение языкового знака (через означающее) является вторичным, подчиненным, поскольку главной функцией для него является отражение внеязыковой действительности; в поэтическом тексте языковая материализация языкового знака является первичной: в поэзии все признаки означающего являются значимыми, актуальными, его языковая форма самодостаточна и не является прямым отражением внеязыковой действительности. Так, в поэзии наблюдается своеобразное “имянаречение” объектов восприятия и осмысления, характеристика предметов и явлений окружающей действительности может ломать привычный ассоциативный ряд, тем самым рождая новые образы и смыслы, например: *голодные ребра, гранитные колена, грустный, бешеный рот, бранные руки, лживая кровь, вероломные жилы, восковые слезы, страстный, смертный пот, незрячая рука, высокопарные уста, крылатая нога, праведнические ладони*.

Специфическое, опосредованное автором отражение окружающего и внутреннего мира человека в поэзии проявляется по-разному, в частности, раскрывается через взаимопроникновение вещественно-предметного мира и внутреннего мира человека. Например, эпитеты, характеризующие человека, его внутренний и внешний мир, в поэтическом тексте становятся определителями любых явлений: *смуглое солнце, грешные просторы, обезглавленные гербы, прокаженный бубенец, нищий дым, страстная колея, трепещущие ступеньки, нежная комната, героические громы, светлый посох, глухонемая тайна, вероломное шампанское, вольнолюбивая мачта, сонные кресла, жесткосердный июль. Плац, прихотливый, как руно / Плац, преклоняющий колена. И наоборот: легкая наглость, простоволосая радость, застенчивая низость, умиленное бессилье, голубокая память, божественное равнодушие, ве-*

сенная радость, календарная ложь, смуглая совесть, офицерская прямота, зверская лень. “Положение знака в системе поэтического текста, — писал Я. Славинский, — определяет другой знак, обоснованием значения служит другое значение, а не внеязыковая ситуация. Обесценение “мира” как контекста для знака увеличивает роль языкового контекста” [8]. Как иллюстрацию к сказанному приведем примеры из М. Цветаевой, в которых соположение в рамках одной стихотворной строки однокоренных слов восстанавливает в слове те смыслы и семантические связи, которые им в языке уже утрачены: *Так — в памяти — глаза закрыв, / Без памяти — люблюсь Вами.* В выражении *любить без памяти — без памяти* имеет значение *очень сильно*, но не включает собственно сему *память*. А у Цветаевой в данном контексте актуализируется именно сема *память*. Аналогичное восстановление утраченных этимологических смыслов, благодаря контексту, можно наблюдать в строках: *Заочность: за оком лежащая явь... , Победоносец, победы не вынесший.*

В настоящее время выделяется три вида внутриязыковых отношений, или системно-языковых значимостей знака: синтагматические, парадигматические и эпидигматические. “Третье структурное измерение семантики” — эпидигматика — проявляется в факте семантической производности слова, формирующем его семантическую структуру, что выявил и исследовал Д. Н. Шмелев [9]. Эпидигматические отношения широко представлены в поэтическом языке, хотя часто они, во-первых, эксплицитно не выражены, во-вторых, “работают” наряду со многими другими особенностями поэтического языка, поэтому требуется особый анализ для их выявления. Например: *Очи — в узь, / Щеки — в глянуц. / — Ну и гусь! / — Ну и Ганс!* Ирония М. Цветаевой зиждется на глубинных языковых связях и ассоциациях, а именно — на паронимическом созвучии немецких слов: *gans* — “гусь” и *Hans* — собственное имя; на фразеологических связях русского слова “гусь”: *ну и гусь, что за гусь, хорош гусь*; на фразеологических и словообразовательных связях немецких слов: *handseln* — “подтрунивать, дразнить”, *Hanswurst* — “шут, паяц, скоморох”. Кроме того, немецкое слово *Ганс* является и знаковым аналогом русского имени *Иван*: и *Ганс*, и *Иван* — традиционные герои фольклора. В итоге “гусь” и “Ганс” оказываются семантически взаимосвязаны: каждая лексема раскрывает необходимый дополнительный смысл другой; актуализируется эта связь посредством контекста. Причем читающий данное стихотворение может не знать немецкого языка, в таком случае одна из ассоциативных цепочек для него утрачивается, но благодаря фонетическому созвучию данных слов и связанных с ними фразеологических ассоциаций основная семантическая связь между ними для реципиента остается в силе.

Семантическая категория значения представлена и в языке, и в речи. Осмысление знака, означивание языковой единицы осуществляется через две стадии: семиотическую и семантическую, о чем писал Э. Бенвенист [10]. Семиотический способ связан с первичным знакообразованием, знак существует в том случае, если опознается как означающее всей совокупностью членов языкового коллектива и если у каждого вызывает в целом одинаковые ассоциации и представления; семантический же способ означивания порождается речью. Семиотическое, т. е. знак, должно быть узнано, семантическое, т. е. речь, должно быть понято.

Роль речевой деятельности в процессе образования языкового значения отмечали многие исследователи: "... исторически факт речи всегда предшествует языку" [11], "... ничто не существует в языке, не будучи испытанным раньше в речи" [12]; "Если говорить о творческом аспекте языка, то нельзя не признать совершенно очевидного факта, что все творчество идет через речь. Речь — источник всего того субъективного, что проникает в объективную систему языка, она — канал, по которому человеческая практика входит в язык..." [13]. Наблюдается осмысление динамического, а не статического характера отношений между языком, мышлением и объективной действительностью, поскольку именно через речевую деятельность постоянно происходит раскрытие старого опыта и приращение новых знаний.

Отношение "язык — речь" особым образом проявляется в поэтическом языке. На любой поэтический текст, в отличие от прозаического, накладываются дополнительные ограничения: метро—ритмические нормы, особая организация фонологического уровня и т. д. Казалось бы, это должно привести к значительному росту избыточности (т. е. возможности предсказания последующих элементов текста) и к уменьшению его информативности. По законам логики и теории информации это должно быть именно так. По этому поводу Ю. М. Лотман очень тонко и не без юмора замечает: "Если бы существование поэзии не было бесспорно установленным фактом, можно было бы с достаточной степенью убедительности показать, что ее не может быть" [14]. В поэзии же, несмотря на все объективные ограничения, наблюдаются как раз обратные тенденции: рост информативности и уменьшение избыточности. Одно из объяснений этого кроется в особенностях дихотомии "язык — речь" в поэтическом языке. В системе естественного языка различаются два типа элементов: соотнесенные с внеязыковой реальностью (имеющие семантическое значение) и формальные (имеющие только внутриязыковое значение). В поэтическом языке любые элементы могут приобретать семантический характер, получая дополнительные значения: для поэтических текстов характерна даже семантизация таких изначально несемантизированных языковых уровней, как фонетика, графика, пунктуация, ритмомелодическая структура; и главное, единицы речевого уровня в поэтическом языке могут возводиться в ранг значимых. "В поэзии все без исключения становится содержанием — каждый, даже самый ничтожный элемент формы строит смысл, выражает его: размер, расположение и характер рифм, соотношение фразы и строки, соотношение гласных и согласных, длина слов и предложений, и многое другое..." [15]. Именно этот механизм дает возможность поэзии не быть избыточной и при этом оставаться максимально информативной.

Список литературы

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–230.
2. Журавлев А. П. Фонетическое значение. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
3. Журавлев А. П. Звук и смысл. — М.: Просвещение, 1991. — С. 5.
4. Левицкий В. В. Семантика и фонетика. — Черновцы: Изд-во Черновиц. ун-та, 1973.
5. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. / Сост., подгот. Текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994–1995.

6. Невзглядова Е. В. О звуке в поэтической речи // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В. В. Виноградова. — Л., 1971. — с. 392 – 399.
7. Плотников Б. А. Основы семасиологии / Под ред. А. Е. Супруна. — Мн.: Выш. школа, 1984. — с. 26.
8. Славинский Я. К теории поэтического языка // Структурализм: “за” и “против”. Сб. статей. — М.: Прогресс, 1975. — С. 266.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973. — С. 55.
10. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
11. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. 1933 // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. — М., 1977. — С. 57.
12. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. — М., 1963. — С. 324.
13. Звегинцев В. А. Язык и общественный опыт (К методологии генеративной лингвистики) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М., 1970. — с. 303.
14. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. — Л.: Просвещение, 1972. — С. 34.
15. Эткинд Е. Материя стиха. — СПб., 1998. — С. 69.

Муратова О. Ю. Специфіка функціонування мовного знака в поезії.

Стаття присвячена специфіці функціонування мовного знака в поезії. Розглядається питання про знакову належність в поетичній мові: аналізується особливе виявлення співвідношень: „мова – реальна дійсність” та „мова – мовлення” в поетичних текстах; досліджується специфіка епідигматичних відношень в поетичній мові.

Ключові слова: мовний знак, поетичний знак.

Muratova H. Y. Language sign functioning specificities in poetry.

The article concerns language sign functioning specificities in poetry. The issue of sign-oriented characteristics of phoneme in poetic text is scrutinized; the peculiarities of correlation “language - reality” and “language – speech” in poetic texts, as well as epidigmatic relations in poetic language are analyzed.

Key words: language, sign, poetry, poetic language.

Статья поступила в редакцию 24 октября 2006 г.

УДК 81.161.1

ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАУЗАЛЬНЫХ ВЕРСИЙ В ПЛАНЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ

Т. А. Яценко

Статья посвящена исследованию взаимодействия каузальных эпистемических версий и его роли в семантике и архитектонике текста. Объектом анализа является текст Эпилога романа М. Булгакова “Мастер и Маргарита”.

Ключевые слова: каузация, модальность, эпистемическая модальность, дискурс, роман “Мастер и Маргарита”.

Каузальная версия понимается нами как одно из возможных причинных объяснений одного и того же факта, явления, события и соотносится с логическим понятием гипотезы, а также с понятием “частичной, или неполной причины” [7, с. 85; 6, с. 159].

Понятие версии неразрывно связано с понятием модальности, тоже заимствованным лингвистикой из логики, где оно трактуется как оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения [6, с. 110 – 111].

В современной лингвистике модальность рассматривается как одна из категорий текста, с включением объективной и субъективной модальности (Ш. Балли, В. В. Виноградов, Т. В. Шмелева, Б. В. Хрычиков и др.).

Для нашего исследования принципиально важной представляется трактовка модальности не только как языкового, но и как речевого явления [1; 2; 3; 5; 9; 12; 14]. Именно на уровне изучения семантики дискурса возможно выявление “палитры модальной семантики”, пределы которой не ограничиваются только предложением [3, с. 34].

Актуальность исследования каузальных версий в плане модальности обусловлена обращением современной лингвистики к антропологическому принципу анализа дискурса. **Новизна** нашего подхода к анализу модального плана дискурса заключается как в самом объекте исследования (каузальные версии), так и в представлении эпистемических версий в пределах целостного текста с учетом лексико-грамматических особенностей их выражения. **Объектом** исследования являются эпистемические каузальные версии. **Материалом** исследования послужил Эпилог романа М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита” [4].

Цель работы: выявить контекстуальное взаимодействие каузальных эпистемических версий и его роль в семантике и архитектонике текста.

Проведенный нами ранее анализ каузальных версий в дискурсах разных типов (художественный, мемуарно-дневниковый, публицистический) показал их соотношение с разными типами модальности, среди которых особое место принадлежит аксиологической, деонтической и эпистемической.